

КУДРЯШОВА И.В.

ТУРЦИЯ КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОСТИ*

В российской политической науке, не в последнюю очередь благодаря образному выражению американского политолога С. Хантингтона, за Турцией закрепился образ «расколотой страны», где проходит одна из линий цивилизационного противоборства между Западом и мусульманским Востоком и где вестернизованная элита ведет политические баталии с традиционно настроенными массами. Такой подход ставит под сомнение ее существование как *nation-state*, т.е. само наличие турецкого политического сообщества¹, каким бы условным ни являлось это понятие, и эволюционно уравнивает с арабскими соседями, у которых функционирование современных политических институтов, включая государство, поддерживается авторитарными административно-силовыми методами². Более того, с середины 90-х годов серьезные электоральные победы в стране начинают одерживать исламистские партии, что делает случай Турции (напомним, стремящейся в ЕС и добиваю-

* Работа подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 07-03-00363а.

¹ В конституции Турции говорится, что турком является «каждый, кто связан с турецким государством узами гражданства» (ст. 66) и что депутаты Великого национального собрания (парламента) «представляют не только свои избирательные округа или избирателей, но и нацию в целом» (ст. 80). – Режим доступа: http://www.servat.unibe.ch/icl/tu00000_.html

² О формировании и развитии независимых арабских государств см.: Кудряшова И.В. Нациестроительство на Ближнем Востоке: От мусульманской уммы к нации-государству? // Политическая наука / ИНИОН РАН: Сб. науч. тр. – М., 2008. – № 1.

щейся соответствия Копенгагенским критериям¹⁾ чрезвычайно любопытным и в политическом, и в политологическом аспектах.

Как же методологически непротиворечиво подойти к исследованию турецкого казуса? Конечно, при всей дифференциации культурно-политического стандарта Османской империи, Турцию и Арабский Восток всегда сближали общность культурно-религиозных норм, военно-бюрократический характер центров, схожие типы экономики и многие другие факторы. Однако принятие и небезуспешная реализация секулярной модели развития в центре бывшего халифата, открытое одобрение и использование западных социально-политических образцов вроде бы делают Турцию образцовым *case*-ом для изучения в рамках теорий модернизации. С другой стороны, нынешнее правление исламистской (т.е., если исходить из принципа единства *уммы*²⁾, общемусульманской) партии³⁾, поддерживающее приемлемый уровень социально-политической стабильности и демонстрирующее достаточно высокие темпы экономического роста, заставляет внимательно присмотреться к локальным, национальным и транснациональным связям и взаимодействиям, чтобы понять истоки причудливо сложившейся комбинации гражданских и религиозных элементов государственного национализма: модернизационная парадигма не исключает в принципе его развития, но никак не в религиозной форме⁴⁾. В сущности, от этой парадигмы недалеко как те теории глобализации, которые пытаются объяснить подобные феномены защитной реакцией государственных и общественных структур на давление формирующейся глобальности (и также имплицитно исходят из западноевропейского опыта формирования *nation-state* в современную

¹⁾ Копенгагенские критерии (1993) требуют от претендента на вступление в ЕС быть стабильной демократией, соблюдать права человека в полном объеме, иметь действующую рыночную экономику и ввести в национальное законодательство нормативно-правовую базу ЕС.

²⁾ В Коране – единое сообщество мусульман.

³⁾ Умеренная исламистская Партия справедливости и развития (ПСР) находится у власти с 2002 г., укрепляя свои позиции: в 2002 г. она получила на выборах 34% голосов избирателей, в 2007 г. – 46,66%, что позволило ей сформировать сильное однопартийное правительство и обеспечить избрание на пост президента члена ПСР А. Гюля.

⁴⁾ См.: *Smith A. Nationalism and modernism.* – Л.: Routledge, 1998.

эпоху¹), так и мир-системный анализ, где рост политического влияния этнического и религиозного факторов представлен в качестве политико-культурного ответа на глобализацию социоэкономической дифференциации по линии «ядро – периферия»².

Как представляется, вопрос о том, какая политическая сущность возникла из ядра распавшейся Османской империи, может быть более плодотворно рассмотрен с привлечением компаративного цивилизационного подхода, разработанного в первую очередь Ш. Эйзенштадтом и предполагающего «многообразие современности, модернизации и демократизации»³. По мнению ученого, религиозные и имперские традиции не «растворяются» модернизацией или глобализацией и по-прежнему, хотя и в реконструированном виде, определяют измерения современных обществ. В результате обусловленной глобализацией интенсификации взаимодействий между цивилизациями с различными сочетаниями этнонациональных, гражданско-политических, религиозно-культурных компонентов «незападные» типы современности не просто формируются в результате адаптации к западному образцу, но инкорпорируют западные воздействия в свои цивилизационную динамику и модернизационные процессы. Соответственно, нации и «национализмы» могут существенно различаться по комбинациям этих компонентов; религия, несмотря на различные формы секуляризации, способна оставаться важнейшим фактором современного нациестроительства.

Для нас важно учитывать точку зрения Эйзенштадта, так как наиболее авторитетные специалисты по проблематике наций и национализма – Э. Геллнер, Э. Хобсбаум, Б. Андерсон – в той или

¹ См.: *James P.* Globalism, nationalism and tribalism: Bringing theory back in. – L.: Sage publications, 2006; *Castles S.* Ethnicity and globalization. – L.: Sage publications, 2000; *Freeman M.* Theories of ethnicity, tribalism and nationalism // *Ethnic conflict, tribal politics: A global perspective* / Ed. by Christie K. – Richmond: Curzon press, 1998; *Albrow M.* The global age: State and society beyond modernity. – Cambridge: Polity press, 1996.

² См.: *Wallerstein I.* The essential Wallerstein. – N.Y.: New press, 2000; Chase-Dunn C. Global formation. – Oxford: Oxford univ. press, 1989.

³ См.: *Eisenstadt S.N.* Fundamentalism, sectarianism and revolution: The Jacobin dimension of modernity. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1999; *Eisenstadt S.N.* The paradoxes of democracy. – Baltimore: The John Hopkins univ. press, 1999; Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций. – М.: Аспект-пресс, 1999.

иной степени пренебрегают этой ипостасью религии, определяя нацию в терминах экономического прогресса, общего языка (или культуры как системы идей, знаков, ассоциаций и способов поведения) и взаимного признания индивидами принадлежности к ней¹. Например, по мнению Андерсона, капиталистический прогресс, продвинувший печать и распространение общего языка, совпал с развитием бюрократического государства, что помогло формированию воображаемого сообщества и подготовило почву для рождения нации-государства².

Исследования природы и опыта имперских политических систем и их трансформаций привлекают внимание многих ученых³ и имеют высокую актуальность, но с точки зрения методологических установок в данной статье интереснее опираться на концептуальные модели формирования наций и государств в Западной Европе С. Роккана. Как следует из работ норвежского политолога и его коллег⁴, все паттерны модернизации и их воздействие на на-

¹ См.: *Gellner E. Nations and nationalism*. – N.Y.: Cornell univ. press, 1983 (русский пер.: *Геллнер Э. Нации и национализм*. – М.: Прогресс, 1991); *Hobsbawm E. Nations and nationalism since 1780*. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1990 (русский пер.: *Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г.* – СПб.: Алетейя, 1998); *Anderson B. Imagined communities. Reflections on the origin and spread of nationalism*. – L.: Verso, 1983 (русский пер.: *Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. – М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001).

² *Anderson B. Op. cit.* – P. 46.

³ См.: *Doyle M. Empires*. – Ithaca (N.Y.): Cornell univ. press, 1986; *Tilly Ch. How empires end // After empire. Multiethnic societies and nation-building: The Soviet Union and the Russian, Ottoman and Habsburg empires* / Ed. by Barkey K., Hagen M.von. – Boulder (CO): Westview press, 1997; *Lieven D. Empire: The Russian empire and its rivals*. – L.: John Murray, 2000; *Empire to nation: Historical perspectives on the making of the modern world* / Ed. by Esherick J.W., Kayali H., Van Young E. – Lanham; Boulder; N.Y.; Toronto; Oxford: Rowman & Littlefield publishers, Inc., 2006; *Каспэ С.И. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика*. – М.: РОССПЭН, 2001.

⁴ См.: *Rokkan S. Cities, states and nations. A dimensional model for the study of contrasts in development // Building states and nations: Models and data resources* / Ed. by Eisenstadt S., Rokkan S. – L.: Sage. 1973. – Vol. 1; *Rokkan S. The center-periphery polarity // Center periphery structures in Europe: an ISSC workbook in comparative analysis*. – Frankfurt a. M.; N.Y.: Campus Verlag, 1987; *Роккан С., Урвин Д.В. Политика территориальной идентичности. Исследования по европейскому регионализ-*

циональные идентичности модифицируются зонами формирования государственности. Хотя сам он не раз подчеркивал европейскую направленность своих исследований и уникальность европейского опыта, для нас большое значение имеют роккановская концептуализация отношений центра и периферии в ходе национального и государственного строительства в контексте учета двух определяющих пространственных измерений: пространства принадлежности («принадлежность к группе, которая обладает и, возможно, знает об этом своем обладании, некоторыми общими социокультурными чертами») и пространства территориальности («самоотжествление с особой географической областью и проживание на ней»)¹. Востребована и разработанная им для сравнительного анализа государственного строительства в различных регионах мира система переменных (оси церковь / секулярность, обособление (относительно сельских районов) / независимость сетей городов, концентрация / рассредоточение земельных владений, лингвистическая дифференциация), а также выводы о решающих факторах эффективного формирования государств на европейской периферии². Османская империя, отметим, возникла в пограничной зоне территорий и культур, над которыми позже установила свое господство, а геополитическим центром империи были (до их потери) в основном христианские и относительно богатые Балканы, контролировавшие подходы к столице³.

На наш взгляд, до сегодняшнего времени рамки политического процесса в Турции во многом заданы конкуренцией ее идентичностей: национальной, т.е. гражданско-политической, и этноконфессиональной, а политический интерфейс определен разворачиванием тенденций, сформировавшихся в последней трети XIX – первой трети XX в. при трансформации имперской политической системы в национальную. Какую же современность представляет Турция? Как и когда начался, говоря словами Р. Эмерсона, путь «из империи в

му // Логос. – М., 2003. – № 6 (40); Научное наследие Стейна Роккана // Политическая наука / ИНИОН РАН: Сб. науч. тр. – М., 2006. – № 4.

¹ Роккан С., Урвин Д.В. Указ. соч. – С. 124–126.

² Rokkan S. Cities, states and nations. A dimensional model for the study of contrasts in development. – P. 88–91.

³ См.: Lieven D. Op. cit. – P. 131.

нацию»¹ и какие задачи решались на этом пути? Попробуем определить некоторые подходы к этой проблеме.

Первый этап реформ: формирование «уважения к переменам»

Полноты политического могущества Османская империя достигла при Сулеймане I Великолепном (1520–1566), который включил в ее состав всю Сербию, остров Родос, значительные территории в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Именно приобретение последних сделало империю преимущественно исламской². По мнению британского историка Д. Ливена, завоевание этих отдаленных от центра обширных и густозаселенных провинций при общей уязвимости и огромной протяженности коммуникаций резко ослабило эффективность имперского контроля³.

Со второй половины XVI в. империя стала утрачивать свое военное и экономическое превосходство над Европой. В 1683 г. произошел разгром османской армии под Веной, основной причиной которого стал низкий уровень руководства и организации, и с этого времени османы начинают последовательно терять территории, завоеванные ими в Европе. В XVII–XVIII вв. они вели неудачные войны с Россией и Венецией, в 1798 г. в Египте начались первые сражения с наполеоновской армией. Военные поражения сопровождались дальнейшим ослаблением власти центра и ростом сепаратизма местной знати⁴.

С прекращением расширения империи обострились и экономические проблемы, связанные с утратой главного источника финансовой мощи – новых земель и военной добычи. Одновременно наблюдался упадок культуры: население оставалось почти сплошь

¹ *Emerson R.* From empire to nation: The rise to self-assertion of Asian and African peoples. – Cambridge (Mass.): Harvard univ. press, 1960.

² Титул халифа перешел к османским султанам в начале XVI в. при Селиме I (отце Сулеймана I), завоевателе Сирии и Египта.

³ См.: *Lieven D.* Op. cit. – P. 132.

⁴ Об особенностях феодализма на Востоке см.: *Алаев Л.Б.* Формационные черты феодализма и Восток // Народы Азии и Африки. – М., 1987. – № 4; *Васильев Л.С.* История Востока. – М.: Высшая школа, 2001. – Т. 1. – С. 247–258.

неграмотным, а первая печатная книга на османском языке появилась лишь в 1729 г.¹

К концу XVIII в. империя, несмотря на децентрализацию, в целом сохранила свою политическую легитимность и основную институциональную структуру. Однако политико-экономическое давление ведущих западных держав, которые начали переход к конституционному правлению и индустриальной экономике, а также растущая мощь периферии поставили перед ней вопрос о реформах. Султан Селим III (1789–1807) предпринял первую серьезную попытку модернизации: на основе изучения европейского опыта, прежде всего габсбургского, он приступил к замене янычарского корпуса² регулярной армией, основал военные училища, открыл постоянные дипломатические представительства в европейских странах.

Сопротивление традиционной оппозиции не позволило довести реформы до конца: в 1807 г. во время очередного янычарского мятежа султан был убит. Лишь Махмуду II (1808–1839), которого в турецкой историографии иногда сравнивают с Петром I, удалось ликвидировать янычарский корпус (1826), военно-ленную систему и *ильтизам*³ (последние – не сразу и не до конца), установить административный и финансовый контроль над деятельностью улемов через министерство *вакуфов*⁴, ввести европейскую систему чиновничьих рангов, подготовить новый гражданский кодекс, основать первые светские учебные заведения и провести ряд других мероприятий.

Однако реформы не затронули властных структур и не повысили эффективность экономики. Империя постепенно расчленилась: ее выживание все более зависело от европейского баланса

¹ Подробнее о военно-политических и социальноэкономических проблемах Османской империи XVIII в. см.: *Киреев Н.Г.* История Турции – XX век. – М.: ИВ РАН: Крафт+, 2007. – С. 15–22.

² Янычары – особая часть турецкой армии, которая славилась своей вольницей и необузданностью и состояла преимущественно из обращенных в ислам и воспитанных для войска христианских детей; разрешение жениться и заниматься торговлей и ремеслом постепенно превратило их в малоэффективную в военном отношении, но опасную политическую силу.

³ Откупная система взимания феодальных налогов.

⁴ *Вакф*, *вакуф* – неотчуждаемое движимое и недвижимое имущество, от казенное государством или отдельным лицом на религиозные или благотворительные цели.

сил¹. Во многом это было связано с ее внутренней организацией, которая в целом подпадала под определение «веерной модели» (hub-and-spokes model) – непрямого правления при исключении из ядра периферийных элит² (при этом подчиненные территории индивидуально связаны с центром, но редко взаимодействуют друг с другом). Сама правящая элита была весьма пестрой с точки зрения этнокофессиональных корней. Ее объединяла «дворцовая культура», представлявшая собой сплав византийских, арабо-мусульманских, персидских и тюркских элементов³.

Османское государство состояло из огромного числа религиозных, племенных, этнических групп, обладающих только одной общей идентичностью – конфессиональной. Для мусульман наличие султана как держателя верховной власти и главы мусульманской общины соответствовало традиционным представлениям о сильной монархической власти и объединенной империи как способных обеспечивать независимость *дар аль-ислам*, «мира ислама». Для немусульман официальная идентичность определялась принадлежностью к одному из трех не имеющих административных или территориальных границ религиозно-культурных сообществ – *миллетов*, находящихся под покровительством халифа: православному, армянскому и иудейскому. Их члены могли жить в тех же районах и городах, что и мусульмане, но ограниченность социальных и институциональных контактов с соседями препятствовала формированию горизонтальных связей⁴.

По мнению М. Элтунишика и Е. Тёра, значение первого этапа реформ заключалось для империи прежде всего в создании уваже-

¹ Комплекс международных конфликтов конца XVIII – начала XX в., связанных с национально-освободительной борьбой балканских народов против турецкого господства и с соперничеством великих держав (России, Австрии, Великобритании, Франции, позже Италии и Германии) за раздел османских территорий, получил название Восточного вопроса.

² Kahler M. Empires, neo-empires and political change: The British and French experience // The end of empire? The transformation of the USSR in comparative perspective / Ed. by Dawisha K., Parrot B. – Armonk; N.Y.: M.E. Sharpe, 1997. – P. 287.

³ Esherick J.W., Kayali H., Van Young E. Introduction // Empire to nation: Historical perspectives on the making of the modern world. – P. 12.

⁴ Esherick J.W., Kayali H., Van Young E. Op. cit. – P. 8.

ния к переменам как таковым («respectability of change»)¹, а также подготовке первого поколения современно образованных бюрократов, способных продолжать преобразования.

Танзимат и конституция 1876 г. Появление «османского народа»

Следующий этап (1839–1976) получил название *танзимата* (реорганизация), содержательная сторона которого описана во многих работах². Для нас важно отметить, что его ключевым элементом выступала модернизация управления, включая унификацию и централизацию, т.е. пересмотр отношений «центр – периферия». При постоянном давлении великих держав в рамках этого курса султанский рескрипт 1839 г. провозгласил (со ссылкой на шариатское право) принцип равенства и безопасности всех подданных империи, гарантии индивидуальной безопасности и равенства перед законом, упорядочение налогов, реформы в области юстиции, административного устройства, просвещения, финансов, военного дела. Указ 1856 г., подтвердив прежние цели, учредил ряд привилегий для немусульман (под которыми чаще всего подразумевались христиане), включая образование медресе в патриархатах, которые могли доводить требования христиан до правительства, поступление на государственную службу, особые условия для торговцев-христиан и др.

Реформы подобного типа неизбежно вызывают сопротивление ряда традиционных слоев и порождают дуализм ориентаций. В случае Османской империи культурное размежевание образовалось между европеизированной элитой, настроенной на институциональные, технологические, экономические, культурные преобразования, и сторонниками мусульманской традиции, прежде всего улемами и бывшими военными ленниками. Разрыв усугублялся тяжелейшим финансовым положением страны: в 1875 г. империя, не справившись с условиями капитуляций³, объявила о финансовом банкротстве.

¹ Altunışık M.B., *Tür Ö.* Turkey: Challenges of continuity and change. – L.; N.Y.: RoutledgeCurzon, 2005. – P. 3.

² См., например: Киреев Н.Г. Указ. соч. – С. 36–54.

³ Договоры османских султанов с европейскими державами о предоставлении последним экономических и политико-правовых привилегий.

Стянуть образовавшийся разрыв попытались сторонники доктрины османизма (новые османы), которые выдвинули идею о возможности укрепления имперской власти путем утверждения конституции, парламентаризма и создания «османской нации» на основе интегрирования в единое сообщество сотен этнических, религиозных, региональных и социальных групп, т.е. превращения всех подданных в граждан, равных перед законом независимо от веры, происхождения и языка. Определенные правовые предпосылки к этому были: по закону 1869 г. подданство определялось только на территориальной основе без учета конфессиональной принадлежности, но сам концепт единого территориального государства-нации, гомогенность которого была достигнута с помощью равных гражданских прав, не имел прецедентов в османской или исламской истории. Новые османы стремились убедить мусульманское население в том, что конституционализм и парламентаризм соответствуют принципам и институтам ислама, таким как *джамаат* (местное сообщество), *шура* (совет), *иджмаа* (мнение сообщества), *мушавара* (консультации с целью принятия решения).

К середине 70-х годов XIX в. в политической элите Османской империи позиции сторонников конституции заметно усилились. Она была принята в 1876 г. при Абдул Хамиде II и официально провозгласила основные права и свободы граждан империи независимо от вероисповедания, учредила двухпалатный парламент и косвенно несколько ограничила права султана, хотя он и оставался неподотчетным никакому органу¹. По мнению известного исследователя истории Турции К. Карпата, самым важным, но часто игнорируемым аспектом конституционного эксперимента было санкционирование существования общности, именуемой «народом», как источника власти и признание османского народа (нации), состоящего из множества этнических групп².

Османизм, не имея органической основы, общих для всего населения культурных и психологических корней, произвел социальные и культурные изменения, которые парадоксальным образом

¹ Подробнее см.: *Фадеева И.Л.* Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи (османизм – панисламизм), XIX – начало XX в. – М.: Наука, 1985. – С. 124–126.

² *Karpat K.H.* The politicization of Islam. – N.Y.: Oxford, 2001. – P. 316.

усилили чувство общей культуры у мусульман (например, дебаты в парламенте были монополизированы мусульманами, подчеркивающими исламский характер государства) и одновременно вызвали рост этнического и регионального самосознания. В результате у многих народов, населявших империю, появился концепт родины с ясными границами и отдельной идентичностью. Например, у истоков арабского национального движения стояли христиане¹.

На позицию султана, безусловно, оказал существенное влияние внешний фактор, связанный с политикой держав в Восточном вопросе. До середины 70-х годов XIX в. баланс сил в Европе, гарантировавший целостность империи, в целом сохранялся, но восстание в Боснии и Герцеговине и вмешательство России изменили ситуацию. В результате Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и подписания Берлинского трактата империя потеряла почти все балканские провинции, а в османское политическое поле был введен концепт нации-государства как действующий принцип политической организации². Забегая вперед, напомним, что в 1882 г. Великобритания, чтобы гарантировать свои интересы и восстановить баланс сил, ввела войска в Египет, фактически перейдя к политике раздела османских владений³. Новая ситуация требовала максимального сплочения мусульманского большинства, т.е. интеграции мусульманской периферии.

Панисламизм и политизация мусульманского сознания

Опасность сецессионизма, ограниченный эффект реформ периода танзимата, недовольство консервативных улемов и некоторые другие причины привели к государственному перевороту 1878 г. и корректировке идейно-политического курса в сторону панисламизма. Пришедший к власти Абдул Хамид II (1876–1909) распустил парламент и приостановил действие конституции. Этот период обычно характеризуют как «деспотию» и «перенос власти из Бли-

¹ Подробнее см.: *Кудряшова И.В.* Указ. соч.

² Сербия, Румыния, Черногория (а ранее – Греция) получили независимость, Болгария – широкую автономию, Босния и Герцеговина перешли под управление Австро-Венгрии.

³ См.: *Lapidus I.M.* A History of Islamic societies. – 2nd ed. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2002. – P. 489–493.

стательной Порты¹ в султанский дворец»², но это не совсем так. Османская имперская традиция государственности полагала священным долгом султана обеспечивать благополучие и целостность государства, унаследованного от предшественников. Специфической чертой османской политической философии, унаследованной от тюрок-чингизидов, было отношение к правлению как к делу самого правителя, не ограниченному в нем религиозной нормой или прецедентом. Абсолютная власть султанов была причиной появления огромного количества правительственных законов (*канун-намэ*) параллельно обычному праву (*'урф*) и шариату. Султан был ответствен только перед Богом и мог предпринимать любые меры, даже не предоставляя формального идейно-теоретического или философского обоснования своих действий.

Абдул Хамид, как полагает К. Карпат, ради сохранения внешней гармонии между религией, обществом и государством и укрепления собственных прерогатив признал приоритет мусульманского общества (общины) – эквивалент народа («агрегированной группы индивидов») – над государством и поставил принцип халифата выше султаната в отношениях с общиной. Признание верховности общины и ее главы – халифа лишило государство религиозно-мистической ауры, идеального авторитета и показало его политическую природу³. По сути разделение халифата и султаната, династии и государства было первым шагом к восстановлению автономности государственной и религиозной подсистем, своеобразному секуляризму «наоборот» через освобождение религии от доминирования государства.

Абдул Хамид предпринял шаги по укреплению как возникающего мусульманского *миллета*-протонации – через «материальную» сферу ислама⁴ и увековечивание памяти основателей династии как «отцов нации», так и государства – через продолжение реформ. Фактически он формировал новые символы «пространства принадлежности» и «пространства территориальности», которые

¹ Правительство Османской империи.

² См., например: *Altunışık M.B., Tür Ö.* Op. cit. – P. 5.

³ *Karpat K.H.* Op.cit. – P. 322.

⁴ Реставрация и благоустройство священных городов Мекки, Медины, Кербелы, мечетей, гробниц суфийских шейхов, открытие новых медресе, введение религиозно-этических курсов в системе школьного образования и др.

при органичном развитии могли бы привести к переопределению народом функций государства.

Следует подчеркнуть, что стремление сохранить империю через создание религиозного целого с халифом во главе инициировало политизацию мусульманского религиозного сознания. Новая идентичность воспринималась как идентичность всех мусульман и государства, но не христиан, которые не могли стать частью будущей нации. Политическое возрождение халифата поставило религию в потенциальный конфликт с реформируемым территориальным государством (империей).

На международной арене эффективность использования полномочий халифа как главы всех мусульман определялась реальными ресурсами Османской империи как государства. Абдул Хамид II соблюдал нормы международного плана, уважая суверенитет других государств, и его так называемые «панисламские начинания» за границей были во многом личными символическими жестами¹.

Младотурецкая революция 1908 г. Османизм, исламизм и тюркизм

Третий этап реформ в Османской империи связан с движением младотурок, которое объединило различные группы недовольных абсолютизмом Абдул Хамида. В 1889 г. возникли первые ячейки будущего комитета «Единение и прогресс» (КЕП)², ядро которых составляло молодое турецкое офицерство – выпускники реформированных учебных заведений. Позднее они соединились со ссыльными либеральными оппозиционерами, проживавшими в основном в Париже и Женеве. Первоначально движение имело не массово-революционный, а скорее элитарный и консервативный характер: выступая за восстановление конституции, законности и парламента, его участники опасались, что массовое политическое участие усилит межэтническое противоборство или продемонстрирует слабость центра, что вызовет вмешательство великих держав и распад

¹ *Karpat K.H.* Op. cit. – P. 240.

² Оформленный в 1894 г., КЕП имел зонтичную структуру и, объединяя много патриотических групп, представлял собой ведущую силу младотурецкой оппозиции; интерес к этому движению проявлял и Мустафа Кемаль, который в 1904 г. завершил военное образование (см.: *Киреев Н.Г.* Указ. соч. – С. 78).

империи¹. Вполне вероятно, что младотурки были ограничены традиционным набором политических ролей: в османской истории главным действующим лицом были военные – вспомним хотя бы о многочисленных переворотах янычар.

Как отмечает историк И. Лapidус, основные разногласия, которые проявились на I Конгрессе младотурок в 1902 г., имели место между теми, кто отстаивал широкие полномочия султана, централизацию власти и ведущую роль тюрко-мусульманских элементов, и так называемыми «либералами» (Ахрар) – сторонниками децентрализованных форм управления и федерирования империи с предоставлением автономии христианам и другим меньшинствам². Конституционализм был стержнем обеих программ, однако КЕП воспринимал его как доктрину политической и правовой рациональности, осуществление которой, с одной стороны, предотвратит дезинтеграцию, обеспечит развитие и восстановит былую славу османов (девелопменталистское измерение), а с другой – позволит противостоять этническому сепаратизму и освободительным движениям (интегративное измерение). Исторические материалы подтверждают, что эти измерения конституционализма волновали младотурок значительно больше, чем права и свободы человека или точное следование статьям конституции³.

Таким образом, несмотря на отмеченное в научной литературе влияние на младотурок идей Великой французской революции и позитивизма⁴, их неверно воспринимать как революционную оппозицию абсолютизму, воспринявшую на Западе идеи демократии и стремившуюся воплотить их в османском контексте. По сути они не выходили за рамки османской имперской традиции, видя ключ к решению главных проблем государства в конституционализме и находя (точнее, изобретая) аналогии современным демократическим институтам в исламской мысли. Османизм как идеология из-

¹ *Sohrabi N.* Global waves, local actors: What the Young Turks knew about other revolutions and why it mattered // *Comparative studies in society and history*. – Cambridge, 2002. – Vol. 44. – P. 49.

² *Lapidus I.M.* Op. cit. – P. 497.

³ См.: *Sohrabi N.* Op. cit. – P. 50–51.

⁴ См., например: *Altunışık M.B.*, *Tür Ö.* Op. cit. – P. 6.

начально имел весьма расплывчатый характер и давал широкие возможности для интерпретаций.

Революции 1905 г. в России и 1906 г. в Иране, империях-соседах, оказали большое влияние на младотурок, но скорее в плане упрочения их приверженности конституционализму¹. Вряд ли они склонились бы к идее революции «снизу», если бы не протестные выступления против увеличения налогов в Анатолии и новые организационные стратегии освободительной борьбы в Македонии в 1907–1908 гг. (партизанское движение). Основным архитектором и движущей силой младотурецкой революции стало Османское общество свободы (ООС, Салоники, 1906 г.), которое заняло доминирующие позиции в КЕП. Важно отметить, что именно офицерские организации ООС смогли воспринять на европейских Балканах, где в муках рождалось право наций на самоопределение, идеи национализма и либерального ислама, от чего был далек парижский центр движения. Они были поддержаны македонской армией и многочисленными партизанскими отрядами, а также рядом улемов и суфийских шейхов (полагавших, что абсолютизм подрывает существование османского государства), некоторыми группами арабской оппозиции (знатью и интеллектуалами) и отдельными крупными османскими чиновниками².

В результате успехов младотурок султан в июле 1908 г. объявил о восстановлении конституции и парламента, о свободе выезда за границу, отмене цензуры (что повлекло выход большого количества газет и журналов) и др. Парламентские выборы принесли полную победу кандидатам младотурок. Сам КЕП, однако, не стал эволюционировать в открытую политическую партию и продолжал действовать как достаточно закрытое политическое объединение, влиявшее на правительство «сверху» и в обход парламентских каналов. По сути, он взял на себя роль верховного контролера политической системы.

Новый режим встретился с достаточно широкой оппозицией, которая парадоксальным образом объединила консерваторов и либералов. Первые возражали против уменьшения роли шариата и сужения властных полномочий традиционной бюрократии, вторые были недовольны недостаточной политической либерализацией.

¹ См.: *Sohrabi N.* Op. cit. – P. 46, 71.

² *Karpat K.* Op. cit. – P. 355.

Периферийные нотабли требовали расширения самоуправления, меньшинства – автономии. В апреле 1909 г. в Стамбуле произошло открытое выступление стамбульского гарнизона с требованием восстановления законов шариата. Абдул Хамид II был обвинен «в подготовке контрреволюции» и смещен, а его место занял брат, ставший (как и те, кто ему наследовал) символической фигурой.

Летом 1909 г. парламент утвердил ряд важных изменений Конституции 1876 г. в сторону расширения собственных полномочий (включая ограничение права роспуска султаном и голосование о доверии правительству), подтвердил право собраний и ассоциаций. Вместе с тем были приняты закон о печати, практически поставивший прессу под контроль правительства, и закон об ассоциациях, по которому вся деятельность общественно-политических организаций оказалась под гласным надзором полиции¹.

Как считают М. Элтунишик, Е. Тёр и другие авторы, младотурецкий режим пережил два этапа: 1908–1913 и 1913–1918 гг.² В течение первого этапа КЕП в большой степени контролировал кабинет, но существовавшая многопартийность ограничивала его влияние. Постоянными и главными оппонентами были либералы, поддерживаемые этническими меньшинствами. В 1911 г. оппозиция создала партию «Свобода и согласие», которая смогла осенью 1912 г. сменить правительство.

Несмотря на следование принципам османизма, в том числе при формировании легислатуры³, распад империи не был остановлен. В 1908 г. заявила о независимости Болгария, об аннексии Боснии и Герцеговины объявила Австро-Венгрия, Крит принял решение об объединении с Грецией, в Йемене, Македонии, Албании произошли восстания, в 1911 г. итальянцы вторглись в Ливию и т.д. Поражения в Балканских войнах 1912–1913 гг.⁴ были поворотным пунктом для Османской империи: она не только понесла унижительные поражения от своей периферии, но и все более утрачивала

¹ Подробнее см.: *Купеев Н.Г.* Указ. соч. – С. 80–81.

² *Altunışık M.B., Tür Ö.* Op. cit. – P. 8.

³ О составе парламента см.: *Купеев Н.Г.* Указ. соч. – С. 426.

⁴ Подробнее о результатах Балканских войн и изменении геополитического положения Османской империи см.: *Hall R.C.* The Balkan wars, 1912–1913: Prelude to the First World war. – L.: Routledge, 2000.

надежду на восстановление целостности, лишившись практически всех территорий в Европе. Усиливалась и ее финансовая зависимость от Управления оттоманского долга.

Воспользовавшись политической нестабильностью, радикальное крыло КЕП в январе 1913 г. установило режим военной диктатуры. Первая мировая война, в которую Османская империя вступила по настоянию Энвера-паши¹ (вопреки желанию кабинета и большинства населения) в рамках военно-политического союза с Германией, предоставила младотуркам возможность осуществить некоторые из своих политических и социально-экономических программ: продолжить с помощью немецких инструкторов модернизацию армии и управления, приступить к реформе провинциальной администрации, где они пытались сочетать централизацию с повышением влияния местных структур, и начать создание «национальной экономики» путем введения протекционизма (в 1914 г. были ликвидированы капикуляции), индустриализации и создания национальной (т.е. османской мусульманской) промышленной буржуазии при интервенции и помощи государства². Большое внимание уделялось развитию внутреннего рынка и строительству инфраструктуры.

Во время войны КЕП продолжал секуляризацию правовой и образовательной систем, что вело к ослаблению позиций улемов. В 1916 г. *шейх-уль-ислам*³ был выведен из правительства, в 1917 г. исламские суды были переданы под юрисдикцию Министерства юстиции, а контроль над религиозными школами поручен Министерству образования. Был введен новый Семейный кодекс, который позволил женщине в ряде случаев возбуждать дело о разводе, что открыло путь светскому закону о персональном статусе и т.д. В целом преданность младотурок идеям развития, рационализма и

¹ Глава младотурецкого триумвиата 1913–1918 гг.

² Подробнее об экономической реформе и росте числа тюрокской буржуазии см.: Altunışık M.B., *Türk Ö.* Op. cit. – P. 11.

³ Верховный муфтий, пост которого был учрежден в последней трети XV в. как символ религиозной независимости и авторитета Османского государства; его главной функцией было издание *фетв* – письменных разъяснений по вопросам, входящим в компетенцию шариата. В XVIII в. в условиях структурного кризиса муфтий и его управление были третьим центром власти наряду с дворцом и правительством, они контролировали судебную систему и выступали в роли посредника между народом и государством.

позитивизма ослабляла позиции ислама внутри государства, однако они, безусловно, ценили его как наиболее значимый компонент социальных связей. Поскольку исламизм ассоциировался с правлением Абдул Хамида, они трансформировали его «вовне» – для подпитывания идеи тюркского единства. Например, в 1914 г. *шейх-уль-ислам* издал несколько фетв с призывом к джихаду против Российской империи, Великобритании и их союзников и объединению всех «заморских» мусульман.

Ход политического развития империи, с одной стороны, лишал актуальности прежнюю доктрину османизма – стало ясно, что арабы, христиане, евреи и другие группы рассматривают его как основу борьбы за автономию и самостоятельное развитие. С другой стороны, он сдерживал формирование новой тюркской¹ идентичности, которая, по мнению М. Камравы, брала свое начало в лингвистических (продвижение турецкого разговорного языка) и литературных (преобладание коротких рассказов над поэтическими формами) инновациях в Стамбуле и других городах империи в 1860–1870-х годах². Турецкий язык быстро развивался: при Абдул Хамиде на нем велось образование, судопроизводство в высших судах и выходила центральная пресса, при младотурках он стал языком государства и современной культуры (арабская орфография была упрощена). В целом вначале тюркизм был достаточно случайным продуктом роста общения, грамотности и появления новых элит.

КЕП предложил свою версию османизма: полиэтническая османская нация из албанцев, греков, других небольших этнических групп и тюркского населения Анатолии – и ее тюркизация. Поскольку сельские³ анатолийские тюрки (одна из самых бедных и неразвитых социальных групп) вследствие географии, истории и ассоциаций с ранним государством Османов могли претендовать на османское

¹ В турецком языке нет различия между этнонимами *тюрк* и *турок*; исследователи развели эти понятия, используя *тюркскость* в значении языковой и этнической общности, а *турецкость* – в значении политической нации. Подробнее см.: Еремеев Д.Е. На стыке Азии и Европы (очерки о Турции и турках). – М.: Наука, 1980. – Режим доступа: <http://pravopys.vlada.kiev.ua/index.php?id=237>

² Kamrava M. The modern Middle East: A political history since the First World War. – Berkeley (L.A.): Univ. of California press, 2005. – P. 51.

³ Зажиточное городское население считало себя османами и мусульманами.

наследство, им отводилась роль «самой старой» и одновременно «самой новой» нации, которая должна была стать ядром государства¹. Фактически это означало появление идеальной «этнической нации», с которой младотурки могли себя идентифицировать.

Эта версия стала входить в противоречие с формирующимся этнонациональным самосознанием других мусульман, в первую очередь арабов. В 1910 г. арабские культурно-литературные клубы были закрыты младотурками, а в 1913 г. в Париже был проведен Первый арабский конгресс, открыто потребовавший сирийской автономии. Активно способствовала разъединению турок и арабов Великобритания, которая еще в 80-е годы XIX в. через публикации в прессе и своих эмиссаров на Аравийском полуострове противопоставляла османизму «этнонациональный» подход, состоявший в том, что халифом должен быть шериф Мекки араб-курейшит (т.е. из племени Пророка). После начала войны она пообещала арабам «независимое арабское королевство» в обмен на вооруженное выступление против империи, которое и развернулось в 1916 г. Россия проводила соответствующую работу среди христиан.

Таким образом, в период правления КЕП тюркский национализм сосуществовал с османизмом и исламизмом и превратился в «школу мысли, посвященной прогрессу и политическому превосходству этнических турок»², но не стал государственной идеологией или особым политическим курсом. Младотурки хранили верность «османскому отечеству» даже после войн 1912–1913 гг. и подчеркивали исламский аспект османской идентичности, несмотря на продолжение политики секуляризации³.

Идеи тюркизма и пантюркизма вызревали и получали оформление в интеллектуальных дебатах. Лидеры этого течения, прежде всего Ю. Акчура и З. Гёкальп, полагали, что тюркизм необходим для создания и поддержания идентичности нации. По мнению Акчуры, идентичность человека определялась исторически этнической генеалогией его группы и укреплялась совместной религией и языком. Как утверждал Гёкальп, нация, стержнем которой является культура, сформированная на основе языка, веры, обычаев и особого этнокультурного этоса, может веками существовать в

¹ См.: *Karpat K.* Op. cit. – P. 348–349.

² *Karpat K.* Ibid. – P. 371.

³ *Altunışık M.B., Tür Ö.* Op. cit. – P. 10–11.

скрытом состоянии при неблагоприятных политических условиях. Восстановить свою основную идентичность «настоящих тюрок» (которые каким-то образом сохранились в буколических деревнях) она сможет только при распаде подавляющего ее политического строя (в данном случае монархии и имперской бюрократии). Оба считали XX в. веком наций и национализма, но Акчура отводил ведущую роль в создании национальной идентичности государству, а Гёкальп полагал, что этот процесс идет снизу, а государство должно лишь помочь определить и популяризовать идентичность через систему образования и т.д.¹

Крах Османской империи и формирование турецкой нации

Поражение Османской империи в войне решило судьбу младотурецкого правительства, которое было вынуждено отказаться от власти; члены триумвирата покинули страну.

Мудросское перемирие 30 октября 1918 г. давало право любой державе Антанты оккупировать любую часть империи при возникновении угрозы безопасности и предусматривало разоружение османской армии, которая, как считает Д. Растоу, за десятилетие 1908–1918 гг. превратилась в тесном союзе с КЕП в «доминирующий элемент политической сцены»². В ответ на начавшуюся оккупацию в Анатолии и Фракии стало разворачиваться протестное движение в форме комитетов защиты прав (местного населения), основную роль в организации которых сыграли как раз армия и КЕП³. На конгрессе этих обществ в сентябре 1919 г. генерал М. Кемаль был избран главой Представительного комитета (ПК) – фактически новой исполнительной власти Анатолии. По согласованию с султанским правительством⁴ ПК, пребывая в Анкаре, должен

¹ Подробнее о взглядах тюркских националистов см.: *Karpat K.* Op. cit. – P. 374–407; *Киреев Н.Г.* Указ. соч. – С. 87–90.

² *Rustow D.A.* The army and the founding of the Turkish Republic // *World politics.* – Baltimore, 1959. – N 11. – P. 517.

³ КЕП объявил о самороспуске, но вскоре учредил наследницу – партию «Возрождение».

⁴ О «троевластии» этого периода (султанское правительство, оккупационные власти, Представительный комитет) подробнее см.: *Киреев Н.Г.* Указ. соч. – С. 119–132.

был действовать до созыва парламента¹, который действительно открылся в Стамбуле в апреле 1920 г. Решение большинства депутатов вести борьбу за независимость государства в границах земель с тюркским населением привело к его роспуску. Новый парламент (Великое национальное собрание Турции, ВНСТ) по решению ПК был созван в Анкаре, и противостояние между Стамбулом и Анкарой усилилось. ВНСТ сформировало правительство во главе с Кемалем. Как пишут Е. Барковская и А. Ионова, «кемалисты настойчиво проводили мысль о нации как единственном носителе государственного суверенитета. Данная идея не могла не вызвать религиозно-традиционалистского противодействия... Тем не менее блокировать возможность подобного противодействия удалось благодаря терминологической уловке, исходя из понятийной неоднозначности такой категории, как “миллет”. В речах Мустафы Кемаля этим понятием обозначалась нация»².

В результате усиления национально-освободительной борьбы после подписания султанским правительством в августе 1920 г. Севрского договора³ ход войны был переломлен. Осенью 1922 г. остро встал вопрос о политическом будущем страны. В споре с оппонентами, выступавшими за сохранение султанского халифата, Кемаль говорил, что турецкая нация овладела суверенитетом, принадлежавшим ей по праву, и это является «свершившимся фактом»⁴.

Кратко перечислим основные события 1920-х годов, оформившие рамки национального строительства: ноябрь 1922 г. – решение ВСНТ о ликвидации султаната, июль 1923 г. – подписание Лозаннского договора о международном признании страны, август – основание массовой Народно-республиканской партии (НРП), октябрь – принятие Конституции, гарантировавшей основные демократические права и свободы, включая свободу совести, и провозглашение Турции республикой во главе с президентом, март

¹ Сессия Палаты депутатов открылась в Стамбуле в январе 1920 г. и вскоре была распушена после принятия решения о борьбе за независимость.

² Барковская Е., Ионова А. Проблемы современного государственного строительства и ислам: Опыт и уроки Ататюрка // Государственная служба. – М., 2006. – № 1. – С. 134.

³ Оставлял за османским государством только северную часть Малой Азии вместе со Стамбулом.

⁴ Барковская Е., Ионова А. Указ. соч. – С. 136.

1924 г. – упразднение халифата и начало национализации *вакфов*, апрель – ликвидация шариатских судов и религиозных школ, ноябрь 1925 г. – запрет деятельности суфийских орденов, 1926 г. – новый гражданский кодекс, отмена многоженства; 1928 г. – изъятие из Конституции статьи об исламе как государственной религии. Нация была определена как «народ Турции, разделяющий основные принципы республики»¹. В общественно-политической жизни был взят курс на европеизацию (т.е. туркификацию и национализацию), в экономическом развитии – на этатизм, что объяснялось слабостью турецкой буржуазии. Организатором власти в кемалистской Турции стала НРП, действовавшая в режиме мобилизационного постосвободительного авторитаризма.

Соединение национальной идентичности, в основе своей концептом секулярным, с религиозной идентичностью было и остается одной из основных проблем национализма в мусульманских странах. Лидеры республиканской Турции попытались обойти эту проблему, целенаправленно опуская исламское измерение национальной идентичности. Не в силах дать логичное объяснение «выживанию» ислама, они заклеили дискуссии о сочетании веры и национализма как «подрывные». Однако идеи государства, религиозного сообщества и этнической нации, как подтверждают факты, не могут быть в случае Турции легко отделены одна от другой. Официальные власти долгое время полагали, что политической воли и ресурсов государства достаточно для «правильного» определения нации и идентичности, и мотивировали свои действия борьбой за демократию и секуляризм. Однако проводимый политический курс был антитезой обоим.

После Второй мировой войны доктрина Трумэна и «план Маршалла» способствовали демократизации страны и отходу от политики этатизма. Однако это тут же привело к росту оппозиции (исламисты, левые силы, курдские сепаратисты), ослаблению позиций НРП и дестабилизации политической системы. На арену вышла армия, считавшая себя хранительницей традиций кемализма, и с 60-х годов в политическом развитии страны начался период, кото-

¹ См.: Мельников А. Турецкая контрреволюция. Хиджаб как знамя исламизма // НГ – религии. – М., 2008. – 19 марта. – Режим доступа: http://religion.ng.ru/problems/2008-03-19/4_turkey.html

рый востоковед Г.И. Мирский охарактеризовал как «военно-гражданский маятник», т.е. чередование периодов прямой военной интервенции (1960, 1971, 1980), опекунской демократии и плюралистического гражданского правления. Армии всякий раз удавалось «разрулить» кризисную ситуацию¹, но не решить основную проблему развития – достижение равновесия между экономической, социетальной и политической подсистемами.

Последняя турецкая Конституция 1982 г., подготовленная военными властями, усилила роль исполнительной власти в лице надпартийного президента и кабинета министров. Были также приняты законы о политических партиях и о парламентских выборах, приведшие к воссозданию многопартийности к 1987 г. С тех пор на выборах в парламент соперничают четыре основные политические силы: правые либералы (Партия отечества и Партия верного пути), левоцентристы (Демократическая левая партия (ДЛП) и НРП), исламисты (Партия добродетели, впоследствии – Партия благополучия (Рефах), Партия добродетели (Фазилет), Партия справедливости и развития) и ультранационалисты².

Неолиберальная модернизация, начатая в 80-х годах, т.е. превращение экономики в открытую конкурентную систему, привела к свертыванию предпринимательской деятельности государства и, соответственно, государственного патернализма. Резкое изменение положения традиционалистских слоев привело к усилению исламистских сил. Наибольшую поддержку им оказывают сельская периферия и социальные маргиналы города, но не только: среди их сторонников – средние городские слои, университетская молодежь, молодая турецкая технократия, воспринимающая фундаменталистскую идеологию не вопреки, а вследствие своей вестернизованности, националисты. В 1995 г. на парламентских выборах победила Партия благоденствия (ПБ) и было сформировано коалиционное правительство во главе с Н. Эрбаканом. Как пишет российский уче-

¹ В 1960 г. – массовые волнения студенчества и интеллигенции, вызванные репрессиями правящей Демократической партии в отношении оппозиции; в 1971 г. – экономическая неэффективность и рост фракционной и забастовочной борьбы; в 1980 г. – разгул экстремизма, нехватка продовольствия, сырья и электроэнергии, огромная инфляция.

² См.: Ягудин Б.М. Эволюция парламентаризма в Турции // Мусульманские страны у границ СНГ. – М.: ИВ РАН: Крафт+, 2001. – С. 193–195.

ный С.Б. Дружиловский, «ее концепция преобразований в турецком обществе строилась на том, что последние сто лет в развитии Турции, в течение которых она следует в фарватере западной политики, были трагической ошибкой. За это время она не стала передовой державой, но приобрела такие пороки, как проституция, наркомания, алкоголизм, неизвестные ранее болезни, одновременно утратив любовь, доброту, правдивость, альтруизм, поэзию... Свою цель партия формулировала как построение индустриального общества, где будут доминировать чувства товарищества и взаимопомощи»¹.

В 1997 г. под давлением военных правительству Эрбакана пришлось уйти в отставку, однако исламисты зарегистрировали новую Партию добродетели, которая вышла на третье место в досрочных парламентских выборах. В 2002 г. ухудшение экономической ситуации, коррупция властных структур, безработица, проблемы с лидерством в ДПП, а с внешней стороны – осложнение отношений Турции с Евросоюзом и кризис вокруг Ирака привели к распаду правящей коалиции во главе с левоцентристами и победе на внеочередных выборах Партии справедливости и развития (ПСР) во главе с Р. Эрдоганом, с упоминания которой мы начали эту статью.

Завершая экскурс в новейшую историю, отметим, что вряд ли стоит сегодня ожидать глубоких изменений в турецком политическом процессе: укрепившиеся демократические тенденции (позволившие ПСР легально прийти к власти), длительная секуляризация и в то же время сдерживающая роль армии позволяют достичь определенного равновесия между исламистами и сторонниками прозападной ориентации. Однако изменения возможны: во-первых, идентичность Турции – результат конкретного исторического опыта, а не заимствованных образцов; во-вторых, резко усилить мусульманское самосознание может внешний фактор; в-третьих, исламские принципы совместимы с экономическим ростом. В любом случае для национального политического развития чрезвычайно важно, что демократический процесс не оказался прерванным, – как представляется, это заставляет традиционалистскую элиту принимать установившиеся правила игры при принятии решений.

¹ Дружиловский С.Б. О теории и практике исламского правления в странах Среднего Востока (Иран, Афганистан, Турция) // Ислам и политика. – М.: ИВ РАН: Крафт+, 2001. – С. 63.

Заключение

Перечитывая этот материал, мы еще раз задумались над тем, что ограничивает пределы рационального выбора. Очевидно, это в большинстве случаев историческая память, пределы знания и культурные барьеры на пути коллективного действия. На национальном уровне эти сдержки, соединяясь с неизбежной нехваткой материальных ресурсов, сетей и институтов, рожают формы политического действия, более близкие к национальному опыту.

Мы попытались показать внутреннюю динамику рождения турецкой нации-государства. Поскольку реформы позднего имперского периода имеют огромное воздействие на природу государств-преемников, можно говорить о том, что в Турции, как и в большинстве империй, «национализаторский процесс» начался уже в последней трети XIX в. Развитие национализма в Турции было многогранным процессом, который прошел несколько стадий: от мусульманской уммы и османизма к осознанию специфической тюркской этничности и, наконец, турецкости, туркизма. При этом османская и исламская идентичности благодаря логике современного развития, направленной политике государства и внешним факторам постепенно выводились из области политического в область культурно-исторической этничности. Конкретные внутривнутриполитические проблемы и международные процессы, о которых говорилось выше, усилили мусульманское самосознание, проявившееся уже в новой – современной – форме, что подтверждает: религиозная традиция осталась измерением современной Турции¹.

Вспоминая идеи С. Роккана, мы можем обратить внимание на роль европейской части империи в формировании концепта нации и его реализации. Именно на Балканах с их плюральностью оформились национальные взгляды будущих младотурецких руководителей страны, осуществить которые смог Ататюрк благодаря потере афразийской периферии и формированию тюркских «пространств принадлежности и территориальности», ускоренной консолидации которых способствовала угроза потери страны.

¹ О многообразии форм сочетания религии и национализма см.: *Hastings A. The Construction of nationhood: ethnicity, religion and nationalism. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1997.*

Другая его идея – о влиянии на формирование государств моно- и поликефальной организации (чем более плюралистично организована религия, тем менее выражена культурная секуляризация, и наоборот) – также нашла свое подтверждение: старейший суфийский орден накшбадийа стал основой исламистских партий современной Турции, но та же поликефалия обусловила умеренность «обратной волны» исламского возрождения.

В зоне «перенимающей» государственности, каковой была Османская империя, национализм «ядра» с сильным имперским компонентом (идея пантюркизма) имел мощнейший антирелигиозный заряд (кстати, в СССР на этой основе марксистско-ленинская идеократия заменила православное самодержавие). Результат – устойчивое религиозное возрождение.

Известный историк А. Хаурани назвал «османских турок “римлянами мусульманского мира”»¹. Позволим себе согласиться с этим и применительно к Турции: сложность структурной организации и дифференциации турецкой современности безусловно делает ее лидером этого мира в области нациестроительства.

¹ *Hourani A.* How should we write the history of the Middle East? // *International journal of Middle East studies.* – Cambridge, 1991. – Vol. 23, N 2. – P. 130.